

УДК 94(47):351.746.1:82-94

**ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ 1994-1996 ГГ.
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Тумаков Д.В.

Статья посвящена оценкам, данным боевым действиям в Чечне 1994-1996 гг. руководителями и обычными сотрудниками российской контрразведки. На примере воспоминаний С.В. Степашина и Е.В. Савостьянова, а также некоторых офицеров спецназа ФСБ России проанализирована деятельность отечественных спецслужб в борьбе с сепаратизмом в Чеченской Республике в то время – от помощи силам оппозиции летом 1994 г. до участия в обороне Грозного от боевиков в августе 1996 г. Сделан вывод о преобладании героического нарратива в названных источниках.

Ключевые слова: боевые действия, воспоминания, Чечня, Россия, Грозный, Федеральная служба безопасности.

**THE FIRST CHECHEN CAMPAIGN OF 1994-1996
IN THE MEMOIRS OF EMPLOYEES
OF THE STATE SECURITY AGENCIES OF RUSSIA**

Tumakov D.V.

The paper presents the assessments given by the leaders and ordinary employees of the Russian counterintelligence in Chechnya in 1994-1996. Using the memoirs by S.V. Stepashin and E.V. Savostyanov as well as some FSB Special Forces officers, the article analyses the activities of the Russian special services in the fight against separatism in the Chechen Republic at that time, from helping opposition forces in the summer of 1994 to participating in the defence of Grozny from militants in August 1996. The conclusion is made about the predominance of the heroic narrative in these sources.

Keywords: fighting, memories, Chechnya, Russia, Grozny, Federal Security Service.

Боевые действия 1994-1996 гг. в Чеченской Республике, получившие у современников неофициальное наименование «Первой чеченской войны», стали одним из наиболее значимых событий отечественной истории в первое постсоветское десятилетие. Для ликвидации чеченского сепаратизма федеральные власти задействовали весьма значительную по численности группировку, на всём протяжении операции по восстановлению конституционной законности, включавшую представителей самых разных силовых министерств и ведомств страны, включая и Федеральную службу контрразведки (ФСК, с 3 апреля 1995 г. была переименована в Федеральную службу безопасности – ФСБ России). Несмотря на значимость вклада каждой из силовых структур страны в борьбу с вооружённым сепаратизмом и терроризмом в Чечне, отметим, что степень известности их действий в российском общественном сознании существенно различается. Если воспоминания генералов Министерства обороны [12; 13] и Внутренних войск (ВВ) МВД РФ [7] о первой чеченской кампании 1994-1996 гг. регулярно используются исследователями, то аналогичные свидетельства сотрудников ФСК/ФСБ разного ранга известны в гораздо меньшей степени.

Между тем российская контрразведка фактически включилась в борьбу с сепаратистским режимом генерала Д.М. Дудаева в Грозном ещё летом 1994 г. Причиной этого в своих мемуарах директор ФСК/ФСБ генерал-лейтенант С.В. Степашин полагал резкое обострение обстановки в Чечне в это время [11, с. 146]. Главный контрразведчик страны утверждал, что формирование чеченской оппозиции стало объективным процессом в условиях роста уголовной преступности и обострения межнациональных отношений в республике, а федеральный центр первоначально не имел никакого отношения к нему. Самого президента непризнанной Ичкерии Д.М. Дудаева (1944-1996 гг.) Степашин в мемуарах характеризовал как «смелого и решительного человека», советского офицера и ветерана Афганской войны 1979-1989 гг., утверждал, что после взятия Грозного зимой 1995 г. среди личных вещей лидера чеченских сепаратистов была обнаружена шкатулка с билетами КПСС и ВЛКСМ, а также

портрет советского диктатора И.В. Сталина, ответственного за высылку вайнахов в 1944 г. [11, с. 145]. Таким образом, как заключал директор ФСК России, Дудаев – неконструктивный политик, у которого «каша была в голове» [11, с. 145]. Весьма примечательно, что и Президент России Б.Н. Ельцин (1931-2007 гг.) в мемуарах также писал о своём чеченском визави как о «настоящем армейском генерале», «видном советском военачальнике» и даже «человеке образованном», но добавлял, что радикальная риторика Д.М. Дудаева, включая нередкие угрозы осуществления терактов, не позволяла главе государства считать того партнёром для полноценного переговорного процесса о статусе республики [4, с. 63].

В августе 1994 года лично С.В. Степашин, а также его заместитель генерал-майор Е.В. Савостьянов и заместитель министра по делам национальностей и региональной политике РФ генерал-майор А.А. Котенков прибыли в Моздок (Республика Северная Осетия – Алания), откуда выехали в Надтеречный район Чечни – главный центр вооружённого сопротивления дудаевскому режиму. По утверждению руководителя российской спецслужбы, это был его первый контакт с председателем Временного Совета Чеченской Республики У.Д. Автурхановым. Не сообщая подробностей встречи, Степашин охарактеризовал своих чеченских партнёров как «обычных советских людей, которых совсем не радовала перспектива жить в независимой Ичкерии при Дудаеве-президенте» [11, с. 147]. Он также утверждал, что к моменту упомянутой встречи с лидерами антидудаевской оппозиции те уже располагали собственными военизированными отрядами и полностью контролировали Надтеречный район [11, с. 147]. О вероятной роли российских спецслужб или других силовых структур в их формировании мемуарист деликатно умалчивал.

Как известно, ФСК, а вслед за ней и федеральные власти, поддержали чеченскую оппозицию и оказали ей военную помощь, но её первая атака на Грозный в сентябре 1994 г. оказалась неудачной. Хотя роль спецслужбы в её планировании и осуществлении также остаётся неизвестной, очевидно, что в результате боёв столица Чечни всё-таки осталась в руках дудаевцев. Как

позднее вспоминал тот же С.В. Степашин, причина неудачи заключалась в высоком профессионализме начальника главного штаба сепаратистских формирований, отставного полковника Советской Армии А.А. Масхадова (1951-2005 гг.). Этому человека директор ФСК уважительно характеризовал как «отличного военного специалиста», который «умел грамотно планировать операции и командовать ими», причём в храбрости и в профессиональном отношении он будто бы превосходил даже «многих наших (российских – Д.Т.) генералов» [11, с. 147]. Любопытно, что мемуарист словно противопоставлял Масхадова обычным дудаевским боевикам, которых презрительно именовал «этими шакалами» [11, с. 147]. Без такого командующего, полагал Степашин, военный успех вполне мог бы остаться за чеченскими оппозиционерами.

Как операцию, спланированную ФСК России, он позиционировал именно вторую атаку чеченской оппозиции на Грозный 26 ноября 1994 г. Какие-либо подробности генерал также не приводил. Как пишет в своих воспоминаниях С.В. Степашин, в телефонной беседе он проинформировал главу государства Б.Н. Ельцина о подготовке штурма чеченской столицы, а в детали операции посвятил также министра обороны РФ генерала армии П.С. Грачёва (1948-2012 гг.) [11, с. 147]. Саму атаку на город директор ФСК стремился представить преимущественно как действия сил чеченской антидудаевской оппозиции, которые были поддержаны танкистами 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии [11, с. 148]. При этом он отвергал обвинения СМИ в вербовке «необученных мальчишек» для данной операции, поскольку направленные в Грозный механики-водители были опытными кадровыми военнослужащими Российской армии [11, с. 148]. Соответственно провал операции Степашин объяснял непрофессионализмом и трусостью чеченских ополченцев У.Д. Автурханова, снимая вину за это с российских военных или собственных подчинённых [11, с. 148].

Говоря о решении Президента Б.Н. Ельцина ввести в Чечню федеральные войска для наведения конституционного порядка в республике, директор ФСК вспоминал, что на знаменитом заседании Совета безопасности (СБ) РФ 29

ноября 1994 г. против широкомасштабных боевых действий высказались все министры силового блока. В частности, министр обороны П.С. Грачёв доложил о неготовности армии к силовой операции на Кавказе и просил дать ему несколько месяцев на соответствующую подготовку, а сам С.В. Степашин предлагал по-прежнему ставить на чеченскую антидудаевскую оппозицию. В качестве решительного сторонника применения военной силы в Чечне выступил только вице-премьер Н.Д. Егоров (1951-1997 гг.) [11, с. 150-151]. В результате, как заключал мемуарист, решение о вводе войск так и не было принято, поэтому даже в начале декабря 1994 года руководство РФ всё ещё было настроено на ведение переговоров с представителями дудаевского режима [11, с. 151]. По его мнению, причиной изменения позиции Б.Н. Ельцина и силовиков стали неудачные переговоры П.С. Грачёва с Д.М. Дудаевым 6 декабря. На следующий день на заседании Совета безопасности в Москве было принято решение о вводе федеральных войск в мятежную республику [11, с. 152].

Даже в разгар чеченской кампании 1994-1996 гг. директор ФСК/ФСБ стремился позиционировать себя одновременно в роли государственника и миротворца в чеченском вопросе. Так, в интервью корреспонденту центрального печатного органа МО РФ газеты «Красная звезда» генерал С.В. Степашин утверждал, что в декабре 1994 г. по поручению Совета безопасности РФ он, наряду с Н.Д. Егоровым, был уполномочен вести в Чечне переговоры от имени правительства России со всеми, кто был готов пойти на компромисс в вопросе о независимости республики. К последним он отнёс местных старейшин, руководителей различных учреждений или административно-территориальных единиц (Аргун, Гудермес, Урус-Мартан, станица Шелковская) [15]. При этом саму идею переговорного процесса с генералом Д.М. Дудаевым или его окружением Степашин решительно отвергал, назвав власть сепаратистов в Грозном «преступным режимом, доведшим республику до такого состояния, ведущим войну на уничтожение собственного народа» [15]. В силу этого директор ФСК полагал «кощунственными» любые

переговоры с их лидерами, кроме как о безоговорочной сдаче оружия и прекращении боевых действий со стороны незаконных вооружённых формирований (НВФ) [15]. При этом он выразил уверенность в том, что на Северном Кавказе удастся избежать партизанской войны, аргументировав свою позицию тем, что в 12 самых густонаселённых районах Чечни уже сформированы лояльные центру местные органы власти, а «люди мечтают лишь о нормальной жизни» [15].

Спустя месяц с небольшим, уже в интервью столичной газете «Известия», которая в первой половине 1990-х гг. в целом поддерживала социально-экономический курс Президента России Б.Н. Ельцина, но одновременно жёстко осуждала политику Кремля на Северном Кавказе, директор ФСК вновь утверждал об отсутствии большой войны в регионе [3]. Данный факт Степашин объяснял непопулярностью дудаевского режима среди кавказских народов. Кроме того, он снова отвергал саму возможность партизанской войны в Чечне, аргументировав собственную точку зрения тем, что местная молодёжь в позднесоветский период уже привыкла к сравнительно комфортной городской жизни. Другим важным аргументом генерал полагал «полное восстановление ... российских государственных структур» в Чечне, включая создание в каждом населённом пункте республики отделений ФСК, МВД и прокуратуры. Данные обстоятельства, по его мнению, позволили бы уже к осени 1995 г. провести свободные выборы, что позволило бы окончательно лишить режим генерала Д.М. Дудаева остатков законности в глазах народа. К успехам собственной службы в чеченском конфликте Степашин относил также договорённость с турецкими коллегами о пресечении поставок в мятежную республику оружия и боевиков-добровольцев [3].

В реальности ситуация в мятежной республике оказалась намного более сложной. С одной стороны, Герой России, боец спецназа «Вымпел» полковник С.И. Шаврин вспоминал, что жители Грозного зимой 1994-1995 гг. оказывали российским военным содействие, выдавая информацию о местоположении НВФ или предоставляя федеральным силам проводников для действий в городе

[8, с. 12]. Насколько распространённым было это явление в те дни, спецназовец не упоминал, равно, как не вёл он речь и о национальной принадлежности помощников федеральных сил. С другой стороны, в статье известного столичного журналиста, позднее депутата Государственной Думы РФ, а ныне и.о. губернатора Курской области А.Е. Хинштейна в газете «Московский комсомолец» упоминалось о том, что в 1996 г. только в Грозном в результате нападений боевиков были убиты 8 сотрудников УФСБ, погибли, а также получили ранения несколько членов их семей [17]. Причиной столь сложной обстановки корреспондент считал факт попадания списка личного состава республиканского управления спецслужбы в руки боевиков. В результате этого некоторые контрразведчики чудом избежали гибели, а практически каждый выход из здания Управления на оперативный выезд летом того же года приравнивался ими к подвигу [17]. В силу этого сделать однозначный вывод о политических настроениях в чеченском обществе того времени не представляется возможным.

Подробный рассказ о чеченской политике Москвы в начале 1990-х гг. содержится и в обширных воспоминаниях заместителя директора ФСК России генерал-майора Е.В. Савостьянова, позднее – кандидата на пост Президента РФ в 2000 г. и успешного предпринимателя. Он считал, что в этот период отставной советский генерал Д.М. Дудаев стал «признанным лидером» чеченского народа, однако президентские и парламентские выборы, проведённые сепаратистами осенью 1991 г., полагал «явно фальсифицированными», а самого генерала обвинял в незаконном захвате власти в Грозном и в «самовластных замашках» [9, с. 467]. Его прошлые военные заслуги Савостьянов никак не затрагивал. В то же время мемуарист упоминал о таких негативных аспектах жизни дудаевской Чечни, как борьба местных кланов за власть и финансовые ресурсы, насилие по отношению к русскоязычному населению, растущая криминализация жизни общества, а также уход в оппозицию к Д.М. Дудаеву многих важных фигур

сепаратистского режима (Я.М. Мамадаев, Х.С. Ахмадов, Ш.А. Бено и др.) [9, с. 467, 468-470].

Е.В. Савостьянов гораздо более подробно, чем его шеф С.В. Степашин, сообщал читателям о неоднократных попытках руководства РФ достигнуть компромисса с дудаевским режимом в Чечне, которые не получили реального отклика со стороны мятежного генерала. По утверждению заместителя директора ФСК России, Д.М. Дудаев изъявлял согласие лишь на получение от центра гарантий свободного экспорта нефти и нефтепродуктов, но категорически настаивал на признании независимости Чечни со стороны России и видел в ней «безусловного врага» [9, с. 468]. Отметим, что данное утверждение выглядит небезосновательным: в августе 1994 г. вице-премьер самопровозглашённой Ичкерии М.А-М. Мугадаев заявлял о готовности его правительства к диалогу с Центром «всегда и в любое время без всяких условий, кроме одного: Россия должна признать суверенность Чечни» [1]. Аналогичные заявления в первой половине 1990-х гг. неоднократно прозвучали и из уст других представителей официального Грозного [14, с. 83-84]. В силу этого встречи Е.В. Савостьянова с руководителями чеченских силовых структур К.Д. Махашевым и С.А. Хасимиковым оказались в целом неэффективными [9, с. 468].

Мемуарист активно критиковал федеральные власти за безразличие к проблеме Чечни в те годы, хоть и с оговоркой об отсутствии у Москвы серьёзных рычагов для воздействия на обстановку. По его словам, в начале 1990-х гг. «Россия прозевала перерастание чеченской проблемы в тяжёлую и опасную болезнь общенационального масштаба», так как «... никто не сделал абсолютно ничего» [9, с. 470]. Выезд самого Е.В. Савостьянова на Северный Кавказ в 1994 г., посещение им Ставропольского края и национальных республик, личное общение с представителями местных политических элит и армейским командованием убедили его в необходимости проведения более жёсткой и активной политики Центра в регионе. Главными аргументами в пользу такого решения он считал геноцид невайнахов в Чечне, рост криминала,

проникновение на Кавказ с Ближнего Востока идей радикального ислама, дискредитацию Российской государственности через соответствующую пропаганду со стороны сепаратистов и создание негативного прецедента в виде появления в регионе «вольной территории» по образцу Запорожской Сечи или пиратских республик Карибского бассейна периода раннего модерна [9, с. 471].

По возвращении в Москву Савостьянов обсудил впечатления от поездки со своим шефом С.В. Степашиным и вице-премьером (и до середины мая 1994 г. министром РФ по делам национальностей и региональной политики) С.М. Шахраем. В своих воспоминаниях он излагает следующие варианты действий федерального центра, считавшиеся возможными в той ситуации: 1) признание государственного суверенитета Чечни и создание надёжной границы с ней; 2) сохранение status-quo и экономические санкции против самопровозглашённой республики; 3) концепция «скрытого вмешательства» – всесторонняя поддержка пророссийских сил в Чечне до перехода к ним власти, но без прямого использования российских войск; 4) ввод федеральных сил в Наурский и Шелковской районы Чечни с последующим их возвращением в состав Ставропольского края и жёстким кордоном вдоль границ республики; 5) военная операция с целью восстановления конституционной законности и правопорядка в Чечне [9, с. 475-476]. В результате после ознакомления с соответствующей запиской ФСК Президент России Б.Н. Ельцин остановился на третьем варианте, в пользу которого ранее склонялись и сами контрразведчики [9, с. 476].

Мемуарист вспоминал, что помимо свержения незаконно находившегося у власти в Грозном дудаевского режима, ФСК должна была изолировать сепаратистов от всех источников финансирования и подорвать активность чеченской мафии внутри страны. На реализацию столь амбициозной программы командование спецслужбы давало длительный срок – к концу 1995 г., когда в России должны были пройти новые парламентские выборы, конституционный порядок в Чечне должен был быть восстановлен. Данный успех был также призван поднять пошатнувшиеся популярность и авторитет

Президента Б.Н. Ельцина среди населения, причём ФСК России планировало обойтись исключительно чеченскими силами («ни одного русского солдата, ни одного русского выстрела на территории Чечни») [9, с. 477].

Весьма подробно Е.В. Савостьянов сообщает об активной работе ФСК с группировками чеченской антидудаевской оппозиции весной-летом 1994 г. По оценке мемуариста, его собеседники обычно вели речь о собственных связях и влиянии в республике, а также просили контрразведчиков выделить им деньги и оружие для вооружённого свержения сепаратистского режима в Грозном. В конечном итоге выбор был сделан в пользу председателя Временного Совета У.Д. Автурханова, который, в отличие от лидеров военизированных группировок Р.Х. Лабазанова и Б.С. Гантамирова, изначально был лоялен России, резко осуждал дудаевский режим и боролся с ним. Кроме того, подконтрольный ему Надтеречный район Чечни располагался на административной границе с Северной Осетией и Ингушетией, его уроженцами были последний советский руководитель единой Чечено-Ингушетии Д.Г. Завгаев и некоторые крупные религиозные лидеры. Очевидно, на генерала Е.В. Савостьянова благоприятное впечатление при личной встрече произвёл и сам Автурханов – в прошлом военнослужащий [9, с. 479, 492-493]. В данном вопросе позиция ФСК в целом совпадала с точкой зрения главы администрации Президента РФ С.А. Филатова (1936-2023 гг.) [16, с. 251-252].

Летом 1994 г. российская контрразведка вела активную работу по свержению дудаевского режима в Чечне, для чего развернула тесное сотрудничество с Министерством обороны и ВВ МВД РФ, а также властями соседних российских регионов (Северная Осетия, Дагестан, Ставропольский край, Ингушетия). Как пишет в воспоминаниях Е.В. Савостьянов, командование 42-го армейского корпуса предоставило штабной группе ФСК территорию арсенала для размещения, а также рабочие помещения для решения оперативных вопросов на базе дальней авиации [9, с. 498]. Тем не менее, заместитель директора ФСК России в целом скептически и даже с долей сарказма охарактеризовал действия российских военных на Кавказе в это

время, говоря о «смеси армейской отстранённости с небоеспособностью внутренних войск» и даже о «этой полумощи-полунемощи» [9, с. 500-501]. Добавим к этому, что недовольство пассивным поведением руководства МО РФ в начале 1990-х гг. в мемуарах выражал также командующий ВВ МВД РФ, позднее министр внутренних дел и вице-премьер Правительства России А.С. Куликов [7, с. 219-222]. Причинами этого следовало считать нежелание российской армии вмешиваться во внутренние конфликты, а также сложное финансовое положение Вооружённых Сил РФ в те годы.

К безусловным заслугам ФСК России относились политическая и военная организация Временного Совета Чечни. Примерно тогда же генерал Е.В. Савостьянов познакомился с полевыми командирами Б.С. Гантамировым и Р.Х. Лабазановым, а затем, несмотря на трудность данного процесса, смог интегрировать их военизированные группировки в структуру Временного Совета. За У.Д. Автурхановым осталось общее руководство силами оппозиции, военными вопросами заведовал Гантамиров, чьим заместителем стал Лабазанов. Правительство возглавили А.А. Алаудинов и Б.С. Джамалханов, а контрразведку – А.А. Келиматов [9, с. 502]. По словам Савостьянова, в течение лета 1994 года удалось создать 3, а затем 5 полков ППС общей численностью 1500 бойцов [9, с. 502]. Однако уже на рубеже августа – сентября того же года, когда Президент России отдал силовикам формальное указание поддержать силы оппозиции, координация действий была поручена Министерству по делам национальностей и региональной политики РФ [9, с. 507, 515]. ФСК России теперь занималась на территории Чечни вполне обычной деятельностью – сбором и анализом информации, пресечением диверсий со стороны сепаратистов и осуществлением специальных мероприятий. За провалом танкового штурма чеченской столицы 26 ноября 1994 г. Е.В. Савостьянов, согласно его мемуарам, следил из глубокого тыла и не имел возможности влиять на ход событий [9, с. 519].

После начала боевых действий в Чечне и особенно после неудачи «новогоднего штурма» Грозного в начале 1995 г. действия руководства

русской контрразведки получили весьма резкие оценки в ведущих федеральных СМИ. Так, на страницах популярного в первые постсоветские годы еженедельного издания «Столица» директор ФСК генерал-лейтенант С.В. Степашин был охарактеризован как «самый незаметный человек в окружении Президента России» [2, с. 14], а также как «послушный исполнитель» и «безынициативный чиновник» [2, с. 16-17], «человек без собственного устоявшегося мнения» или ярко выраженных политических взглядов [2, с. 15], который не пользуется ни уважением со стороны собственных подчинённых, ни заметным влиянием в органах контрразведки. Причину журналист В.В. Воронов увидел в профессиональной некомпетентности С.В. Степашина, в недавнем прошлом офицера ВВ МВД, в вопросах политического сыска или борьбы со шпионажем [2, с. 15].

Жёсткой критике со стороны упомянутого издания подверглись и некоторые конкретные шаги ФСК в чеченском конфликте. В частности, вербовка военными контрразведчиками солдат и офицеров Таманской и Кантемировской дивизий для танковой атаки на Грозный 26 ноября 1994 г. трактовалась в «Столице» как «нечто необычное в истории отечественных спецслужб», поскольку данная акция осуществлялась на российской территории [2, с. 14]. Однако в то же время корреспондент не мог не заметить и тот факт, что, в отличие от Президента России Б.Н. Ельцина, премьер-министра В.С. Черномырдина (1938-2010 гг.) или министра обороны генерала армии П.С. Грачёва, репутация директора ФСК в глазах общественного мнения страны никак не пострадала, хотя он также первоначально пытался доказать непричастность собственного ведомства к провалу в Грозном [2, с. 14].

Вторым объектом для критики со стороны «Столицы» стали личные контакты директора контрразведки С.В. Степашина с чеченским криминальным авторитетом и полевым командиром Р.Х. Лабазановым (1967-1996 гг.), ранее объявленным во всероссийский розыск за совершение ряда тяжких уголовных преступлений. Весьма примечательно, что в упомянутой журнальной статье не только группировка Лабазанова, но и вся чеченская

антииудаевская оппозиция, была названа «марионеточными» силами [2, с. 17]. Именно в таком ключе её воспринимали центральные СМИ той эпохи. В данном случае корреспондент В.В. Воронов провёл прямые аналогии с анонимными примерами того же рода из охваченных в начале 1990-х гг. междоусобицами Грузии и Таджикистана [2, с. 17]. Очевидно, здесь имелись в виду такие специфичные политические и военно-криминальные деятели, как Д.К. Иоселиани (1926-2003 гг.) и С.М. Сафаров (1928-1993 гг.) соответственно.

Яркое свидетельство о действиях сотрудников российских органов госбезопасности на заключительном этапе военной кампании 1994-1996 гг. вышел в российской версии журнала «Солдат удачи» буквально по горячим следам. Речь шла о т.н. Августовской войне 1996 г. или операции «Джихад», то есть атаке крупных сил чеченских сепаратистов на Грозный. Здесь контрразведчики оказались в роли оборонявшихся. Как сообщалось в репортаже, оборона здания Управления ФСБ России (УФСБ) по Чеченской Республике стала одним из наиболее серьёзных боестолкновений в чеченской столице. Наряду с военнослужащими федеральных сил, в ней участвовали пророссийски настроенные чеченцы – местный ОМОН и 14 сотрудников МВД Чечни [6, с. 5]. Журналист А. Кузьминов сообщал, что, несмотря на многочисленные атаки 6-7 августа, боевики так и не смогли войти в комплекс правительственных зданий в Грозном. По его информации, в сквере перед ним и на прилегающих улицах остались десятки тел погибших мятежников, после чего уже 8 августа атаки стали выдыхаться, а к 17 августа сепаратисты даже начали испытывать дефицит боеприпасов. Напротив, федеральные войска, получив помощь из аэропорта «Северный» и с главной российской воинской базы в Чечне в пригороде Грозного поселке Ханкала, прочно завладели инициативой и сумели на некоторых участках выдавить боевиков с занимаемых ими позиций в столице республики [6, с. 5].

В подтверждение своих слов военный журналист А. Кузьминов привёл свидетельство непосредственного участника заключительного сражения за Грозный полковника ФСБ В., который утверждал, что к середине месяца

«основной КПЗ (комплекс правительственных зданий – *Д.Т.*) мы по глубине занимали уже метров на 800..., у нас уже были и техника, и подкрепления, а боеприпасов и оружия было немерено, были и запасы продовольствия» [6, с. 5], поэтому «центр города был практически наш» [6, с. 5]. В то же время чеченские боевики, по утверждению старшего офицера российской спецслужбы, «в последние дни практически не стреляли» в силу дефицита боеприпасов. Угрозу для сотрудников ФСБ в это время представляли только снайперы НВФ, укрывавшиеся в городских развалинах, но они уже не могли изменить общий ход противостояния, которое развивалось в пользу российских войск. Несколько лет спустя похожее мнение о боевых действиях за Грозный в августе 1996 г. высказал другой офицер спецназа: «если бы вся эта техника (федеральных сил – *Д.Т.*) дала залп, от Грозного ничего бы не осталось..., а мы попросту подарили Грозный боевикам после двух лет войны» [8, с. 14].

Об обороне здания УФСБ по Чечне в августе 1996 г. спустя четыре года сообщал упоминавшийся выше журналист А.Е. Хинштейн на страницах «Московского комсомольца». Из его публикации следует, что российские чекисты одновременно обороняли два объекта – здание самого республиканского Управления и общежитие для его сотрудников. При этом в первом случае речь шла о кирпичном здании, обнесённом бетонными блоками с бойницами, которое защищал гарнизон из 300 человек. Оборонявшиеся могли рассчитывать на огневую мощь в лице пулемётов и двух БТР. В то же время общежитие УФСБ по Чечне представляло собой лишь панельную пятиэтажку с тонкими перегородками, которую защищали не более 90 российских контрразведчиков во главе с подполковником А.И. Алексеевым (1952-1996 гг.) [17]. Позднее часть из них ночью смогла прорваться к своим через позиции боевиков, благодаря сильному дождю и миномётному обстрелу со стороны армии.

Позднее в публикации журналиста военного журнала «Солдат удачи» А. Кириллова сообщались новые подробности участия сотрудников спецслужб РФ в боях за Грозный. В обороне здания общежития УФСБ участвовали 9 бойцов

специального подразделения «Вымпел» Управления «В» Антитеррористического центра ФСБ России во главе с майором С.В. Ромашиным (1967-1996 гг.). Он был настроен весьма решительно, отказавшись сдаться сепаратистам, и даже угрожал казнить любого из подчинённых, что изъявляли готовность сдаться противнику. В статье описывались некоторые подробности последнего сражения за столицу Чечни. Так, спецназовцы из «Вымпела» обстреливали наступавших чеченских боевиков из различных видов стрелкового вооружения и забрасывали их ручными гранатами, в то время как мятежники применили бутылки с зажигательной смесью, трассирующие боеприпасы, подорвали у общежития УФСБ бензовоз, а также расстреливали его здание из танка и другой бронетехники [5, с. 25]. Тем не менее, Кириллов также писал о том, что все атаки боевиков были успешно отражены российскими контрразведчиками.

Таким образом, анализ воспоминаний, журнальных и газетных публикаций руководителей или обычных сотрудников ФСК/ФСБ России даёт представление как об отношениях федеральных властей и Чеченской республики в первой половине 1990-х гг., так и о непростом характере взаимоотношений между различными группировками в самом чеченском обществе тех лет. Также эти источники дают представление о масштабах участия работников органов государственной безопасности непосредственно в боевых действиях против мятежников. Так, при обороне здания УФСБ по Чечне и общежития чекисты фактически сражались как обычная армейская пехота, причём не менее 14 из них погибли в том бою [17]. Авторами данных воспоминаний выступали преимущественно офицеры специальных подразделений ФСК/ФСБ России.

Очевидно, что российские контрразведчики явно стремились преподнести себя как в качестве борцов за единство страны, чьи успехи в подготовке оппозиционных сил Чечни были сведены к нулю действиями других министерств и ведомств в 1994 г., так и в роли единственных защитников Грозного от отрядов сепаратистов в августе 1996 г. В частности, спустя всего

несколько месяцев после того сражения начальник УФСБ по Ярославской области генерал-майор Ю.Г. Афонин (1949-1997 гг.) в интервью областной газете «Золотое кольцо» назвал объекты своих коллег «единственным центром сопротивления федеральных сил» в городе [10]. Иногда в федеральных медиа стойкость и мужество российских контрразведчиков в Грозном образца 1996 года даже сравнивались с героизмом легендарных защитников Брестской крепости 1941 года [17]. Акцент на героической составляющей действий ФСК/ФСБ в Чечне в 1994-1996 гг. в периодике тех лет и опубликованной несколько позднее мемуарной литературе, на наш взгляд, можно объяснить спецификой упомянутого ведомства, подробный рассказ о повседневной деятельности которого едва ли мог быть опубликован в открытых источниках.

Список литературы:

1. В Чечне многовластие... // Российская газета. 1994. 10 августа.
2. Воронов В. Сергей Степашин – человек свиты // Столица. 1995. № 3. С. 14-17.
3. Выжутович В. Сергей Степашин: Я не враг чеченского народа // Известия. 1995. № 40. 2 марта. С. 4.
4. Ельцин Б.Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 428 с.
5. Кириллов А. Крепость в Грозном. Герою Российской Федерации, бойцу «Вымпела», майору Сергею Ромашину посвящается... // Солдат удачи. 2003. № 5. С. 24-25.
6. Кузьминов А. Падение Грозного // Солдат удачи. 1996. № 11. С. 4-8.
7. Куликов А.С. Тяжёлые звёзды. М.: Изд. «Война и мир букс», 2002. 568 с.
8. Петров М. У каждого своя война... // Солдат удачи. 2002. № 3. С. 10-14.
9. Савостьянов Е.В. Я закрыл КПСС. М.: Синдбад, 2022. 736 с.
10. Скибинская О. Авторитеты с властью дружат, а власть чекистов не щадит // Золотое кольцо. 1996. 20 декабря.

11. Степашин С.В. Пойти в политику и вернуться. М.: Синдбад, 2022. 272 с.
12. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2001. 383 с.
13. Трошев Г.Н. Чеченский рецидив. Записки командующего. М.: Вагриус, 2003. 383 с.
14. Тумаков Д.В. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991-1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс, 2017. 740 с.
15. Фаличев О. «ФСК обязательно обнародует данные о том, кто и как помогал Дудаеву» – директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин // Красная звезда. 1995. 21 января.
16. Филатов С.А. Совершенно не секретно. М.: Вагриус, 2000. 448 с.
17. Хинштейн А. Чекистская крепость. За что гибли в Чечне сотрудники ФСБ? // Московский комсомолец. 2000. 8 сентября.

Сведения об авторе:

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета; доцент кафедры новейшей истории Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

Data about the author:

Tumakov Denis Vasilyevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University; Associate Professor of Contemporary Russian History Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: denistumakov@yandex.ru.